

АЛЕКСАНДР МИРЕР

Дом скитальцев

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
М 63

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Сергея Шикина

Иллюстрации на шмуцтитулах и иллюстрация на обложке
Виталия Еклериса

ISBN 978-5-389-12690-9

© А. Мирер (наследники), 2017
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

Дом скитальцев

Роман

КНИГА I

ГЛАВНЫЙ ПОЛДЕНЬ

Часть I, рассказанная Алешей Соколовым. Утро

ФЕДЯ-ГИТАРИСТ

В тот день с утра было очень жарко и солнечно. От жары я проснулся рано, позавтракал вместе с матерью и рано, задолго до восьми, пошел в школу. Помню, как на проспекте сильно, терпко пахло тополевыми чешуйками, и липы были дымные, светло-зеленые, и солнце горело в витринах универмага. Дверь магазина была заперта, но Федя-гитарист уже сидел на ступеньках со своей гитарой и жмурился. Я еще подумал, что на молокозаводе кончилась ночная смена и Федя прямо с работы явился на свидание с Неллой, продавщицей из обувной секции. Я прошел по другой стороне улицы, свернул за угол, к школе, и тогда уже удивился — не такой он человек, Федя, чтобы сидеть и ждать. Он лучше встретит девушку около дома и проводит с громом, с гитарой — э-эх, расступись!.. Он такой парень. Утро, вечер — ему все нипочем. Я думал о нем и улыбался, потому что мне такие люди нравятся. Потом я стал думать, удастся ли днем, после школы, накопать червей для рыбной ловли.

Я прошел по пустой лестнице, положил портфель и посмотрел в окошко.

Федя-гитарист по-прежнему сидел на ступеньках универмага и держал на вытянутых руках гитару. Понимаете? Он ее рассматривал и хмурился: что это, мол, за штука? Пожал плечами. Взял несколько аккордов и еще раз пожал плечами. Потом он стал притопывать ногой и с удивлением смотрел на свой ботинок, заглядывая сбоку, на петушиный манер, — гитара ему мешала.

Я опять заулыбался — наш знаменитый гитарист будто заново учился играть на гитаре. Выдумает же — забавляться так чудно и в такую рань!

Минуты через две-три у универмага появился заведующий почтой. Федя его окликнул. Мне через стекла не было слышно, что сказал Федя-гитарист, но заведующий почтой свернул и пошел к ступенькам.

И тогда произошло вот что. Заведующий сделал неверный шаг, двумя руками схватился за грудь, сразу выпрямился, опустил руки и зашагал дальше, не оглядываясь. Через полминуты стеклянная дверь почты открылась, заведующий скрылся за ней, а потом до меня долетел резкий стук закрывающейся двери. Федя сидел, словно ничего не произошло, и постукивал по гитаре костяшками пальцев. А я уж смотрел на него во все глаза: что он еще выкинет? На улице стало людно — шли служащие на работу, из подъездов выскакивали ребята и мчались к школьному подъезду. До звонка оставалось всего пять минут. Степка, торопясь, сдувал с моей тетради задачки по геометрии. Я смотрел, значит, целых полчаса, а Федя все сидел, опустив гитару к ноге, и равнодушно жмурился на прохожих. И вдруг он поднял голову... Тяжко подрагивая при каждом шаге, к почте торопился седой, грузный телеграфист, важный, как генерал. Он всегда проходил мимо в это время, всегда спешил и перед угловой витриной универсама смотрел на часы и пытался прибавить шаг. Он весит килограммов сто, честное слово! Именно его Федя выбрал из всех прохожих и что-то ему говорил, просительно наклоняя голову. Тот обернулся — даже его спина, туго обтянутая форменной курткой, выражала недовольство.

Я приподнялся. Старый телеграфист будто налетел на невидимую веревку. Нырнул всем корпусом, просеменил и остановился, схватившись обеими руками за грудь. Я думал, он упадет. Гитарист равнодушно смотрел на свой притопывающий ботинок, не приподнялся даже, скотина такая! Старик же мог насмерть разбиться о ступеньки. К счастью, он не упал — выпрямился и как будто взял у гитариста что-то белое. И сразу пошел дальше прежней походкой. Хлопнула дверь почты, только солнце уже не блистало в стекле. А Федя-гитарист встал и пошел прочь.

Гитара осталась на ступеньках.

Я оглянулся — учителя еще не было — и прыгнул через скамьи прямо к двери. Кто-то вскрикнул: «Ух!» — я вылетел в коридор и ходом припустился вниз, торопясь проскочить мимо учительской, чтобы вдруг случайно не встретиться с Тамарой Евгеньевной.

Звонок заливался вовсю, когда я выбежал из подъезда. Улица казалась совсем другой, чем сверху, и гитары не было на ступеньках универсама. Я пробежал вперед, на газон между тополями, и увидел совсем близко Федю — он успел вернуться за гитарой и опять отойти шагов на двадцать. Черный лак инструмента от-

ражал все, как выпуклое зеркало на автобусах: дома, деревья, правый корпус грузовика, проезжающего мимо. И меня, а рядом со мной кого-то еще. Я оглянулся. Рядом со мной стоял Степка, совершенно белый от волнения.

ТАКСИ

— Ты что? Тревога? — спросил Степка.

— С ним что-то неладно. — Я кивнул на спину гитариста.

— С Федором? А тебе-то что за дело? Ну и псих...

Я не знал, как быть. Мы торчали посреди улицы, где любой учитель мог нас взять на карандаш и завернуть обратно в школу. А гитарист удалялся по проспекту вниз, к Синему Камню — это у нас поселок так называется, два десятка домов за лесопарком. Тут выглянула из школы техничка тетя Нина, и мы, как зайцы, дунули через улицу.

Гитарист неторопливо вышагивал по длинным полосам тени, здоровался со знакомыми, встряхивал чубом. Мы шли за ним. Зачем? Я этого не знал, а Степка тем более. Он взъерошился от злости, но вел себя правильно — шел рядом и молчал. Так мы прошли квартал, до нового магазина «Фрукты — соки», перед которым стояло грузовое такси. Оно тоже было новое. Взрослые на такое не обращают внимания, а мы знали, что в городе появились два новых грузовых такси, голубых, с белыми полосами и шашками по бортам и с белыми надписями «таксомотор». Сур нам объяснил, почему «таксомотор»: когда автомобили только появились, их называли «моторами». Так вот, одно из новых такси красовалось у тротуара и уютно светило зеленым фонариком. Мордастый водитель сидел на подножке, насвистывал Федину любимую песню «На Смоленской дороге снега, снега...». Мы видели по гитаристовой спине, что он и такси заметил, и водителя и свою «Дорогу» услышал и узнал отлично. Он небрежно вышагивал — высокий, поджарый, в черных брюках и рубашке и с черным инструментом под мышкой. Конечно, водитель с ним поздоровался. Федя остановился и сказал:

— А, привет механику!

Я подхватил Степку за локоть, и мы прошли мимо и остановились за кузовом машины. Степка молча, сердито выдернул локоть. Машина дрогнула, завизжал стартер... Я пригнулся, заглянул под машину и увидел ногу в черной штанине. Нога под-

нималась с земли на подножку. Это гитарист садился в кабинку. «Давай», — сказал я, и мы разом ухватились за задний борт, перевалились в кузов, под брезентовую крышу, пробежали вперед и сели на пол. Спинами мы прижимались к переднему борту, и нас не могли заметить из кабины. И машина сразу тронулась. Пока она шла тихо, я рискнул приподняться и заглянуть в окошечко — там ли Федя. Он был там. Гриф гитары постукивал о стекло.

Я прижал губы к Степкиному уху и рассказал о заведующем почтой, телеграфисте и вообще о Фединых фокусах. Машина ехала быстро. На ухабах нас било спинами и головами о доски борта. Поэтому, может быть, посреди рассказа я стал сам с собой спорить. Сказал, что я дурень и паникер и напрасно втянул Степку в историю. Конечно, Федя вел себя очень странно, да какое наше дело? Он вообще чудной. А я паникер.

Степка убрал ухо и сморщился. Он моей самокритики не выносит. Он показал, как играют на гитаре, и прошептал:

— А это он что — разучился? Ты видел, чтобы он гитару забывал?

Я зашептал в ответ, что после ночной смены можно голову позабыть, а не гитару. Что Феде просто надоело ждать Нелку. Он сидел, ему было скучно, и он шутил со знакомыми. Например, так: «А почту вашу ограбили». Почтари — будь здоров! — хватались за сердце. Потом он решил поехать Нелке навстречу, воспользовался своей популярностью и поехал на грузовом такси. Нормальное поведение. Друзей у него в городе каждый третий. Ну каждый пятый, не меньше...

— К Нелке поехал? — сказал Степка. — Она живет в обратной стороне вовсе. — Он подумал и добавил: — Хороши шуточки! А с гитарой на завод не пускают.

— Его везде пропустят.

— Это молокозавод, — сказал Степка. — Там чистота и дисциплина. А ты — идиот.

Я все-таки рассердился:

— Ну паникер ну, шпионских книжек начитался, но почему я идиот?

— Потому. Федька вчера выступал в совхозе, в ихнем клубе. Загулял, наверно. А ты — лапша. Начал дело — доведи его до конца.

— Вот сам и доведи до конца, — окрысился я и полез к заднему борту, чтобы спрыгнуть, но в эту секунду по кузову забарабанили камешки, машина резко прибавила скорость — кончился

город, пошло шоссе. Мы слышали, как смеются в кабине те двое, а машина летела, как реактивный самолет. Приходилось ехать дальше. Мы в два счета проскочили стадион, сейчас будет подъем, и там спрыгнем... Вз-з-з! — внезапно провизжали тормоза, машина встала, и мы ясно услышали голос гитариста:

— ...Пилотируешь, как молодой бог. Будь здоров!

— Да что там! — говорил водитель. — Будь здоров!

Степка влепил кулаком себе по коленке... Здесь, на юру, из машины не вылезешь — кругом поле. Но гитарист небрежно сказал:

— А поехали со мной, механик... Здесь рядом. Покажу такое — не пожалеешь.

Степка развел и сложил ладони: ловушка, мол... Я кивнул. Мы ждали, выкатив глаза друг на друга. Удивительно был прост этот «механик»! Он только проворчал:

— Поехать, что ли?.. Не сядем?..

Дверца хлопнула, машина прокатилась до лесопарка и свернула на проселок.

Нас кидало в кузове, пыль клубами валила сзади под брезент. Зубы лязгали. Я чихнул в живот Степке. Но машина скоро остановилась.

— Пылища — жуть, — произнес Федин голос. — Топаем, механик?

Водитель не ответил.

— Э, парень, да ты чудак! — весело сказал Федя. — Сколько проехал, полста метров осталось... Ленишься? Езжай тогда домой.

— На «слабо» дураков ловят, — прошептал Степа.

Водитель шел неохотно, оглядывался на машину. Место было подходящее для темного дела — опушка слового питомника. Елочки здесь приземистые, но густые и растут очень тесно. Сначала скрылся за верхушками русский хохол гитариста, потом голова шофера в грязной кепке.

Мы спрыгнули в пыль, переглянулись, пошли. По междурядью, по мягкой прошлогодней хвое. Впереди, шагах в двадцати, был слышен хруст шагов и голоса.

ЕЛОВЫЙ ПЕНЬ

Междурядье было недлинное. Еще метров пятьдесят — и откроется круглая полянка. Туда и вел Федя таксиста, причем их аллея попадала аккуратно в середину поляны, а наша — как бы по

касательной, вбок. Я было заторопился, но Степан махнул рукой, показывая: «Спокойно, без спешки!»

Эх, надо было видеть Степку! Он крался кошачьим шагом, прищурился рыжие глаза. Мы с Валеркой знали, и Сур знает, что Степка — настоящий храбрец, а что он бледнеет, так у него кожа виновата. На этом многие нарывались. Видят — побледнел, и думают, что парень струсил, и попадают на его любимый удар — свинг слева.

Значит, Степка, такой белый, что хоть считай все веснушки, и я — мы проползли последние два-три метра под еловыми лапами и заглянули на поляну.

Солнца еще не было на поляне. Пробивались так, полосочки, и прежде всего я увидел, как в этих полосах начищенными монетами сияют ранние одуванчики. Две пары ног шагали прямо по одуванчикам.

— Ну вот, друг мой механик, — говорил Федя. — Видишь ли ты пень?

— Вижу. А чего?

— Да ничего. Замечательный пень, можешь мне поверить.

— Пе-ень? — спросил шофер. — Пень, значит... Так... Пень... — Он булькнул горлом и проревел: — Ты на него смотреть меня заманил... балалайка?

— А тише, — сказал Федя. — Тише, механик. Этого пенечка вчера не было. Се ля ви.

— «Ля ви»? — визгливо передразнил шофер. — Значит, я тебя довел. А кто твою балалайку обратно понесет? — заорал он, и я быстро подался вперед, чтобы видеть не только их ноги. — И кто тебя обратно понесет?

Федя сиганул вбок, и между ним и шофером оказался тот самый пень. Шофер бросился на Федю. Нет, он хотел броситься, он пригнулся уже и вдруг охнул, поднял руки к груди и опустился в одуванчики. Все было так, как с двумя предыдущими людьми, только они удерживались на ногах, а этот упал.

Впрочем, он тут же поднялся. Спокойно так поднялся и стал вертеть головой и оглядываться. И гитарист спокойно смотрел на него, придерживая свою гитару.

Я толкнул локтем Степана. Он — меня. Мы старались не дышать.

— Это красивая местность, — проговорил шофер, как бы с трудом находя слова.

Гитарист кивнул. Шофер тоже кивнул.

— Я — Угол третий. Ты — Треугольник-тринадцать? — проговорил гитарист.

Шофер тихо рассмеялся. Они и говорили очень тихо.

— Он самый, — сказал шофер. — Жолнин Петр Григорьевич.

— Знаю. И где живешь, знаю. Слушай, Треугольник... — Они снова заулыбались. — Слушай... Ты водитель. Поэтому план будет изменен. Я не успел доложить еще, но план будет изменен, без сомнения...

— Развезти эти... ну, коробки, по всем объектам?

— Устанавливаю название: «посредник». План я предложу таковой — отвезти «большой посредник» в центр города. Берешься?

Шофер покачал головой. Поджал губы.

— Риск чрезвычайный... Доложи, Угол-три. Я — как прикажут...

Степка снова толкнул меня. Я прижимался к земле всем телом, так что хвоя исколола мне подбородок.

— Меня Федором зовут, — сказал гитарист. — Улица Восстания, пять, общежитие молокозавода. Киселев Федор Аристархович.

Шофер ухмыльнулся и спросил было:

— Аристархович? — Но вдруг крикнул и закончил другим голосом: — Прости меня. Эта проклятая... ну как ее... рекуперация?

— Ассимиляция, — сказал гитарист. — Читать надо больше, пить меньше. Я докладываю. А ты поспи хоть десять минут.

Они оба легли на землю. Шофер захрапел, присвистывая, а Федя-гитарист подложил ладони под затылок и тоже будто заснул. Его губы и горло попали в полосу солнечного света, и мы видели, что под ними шевелятся пятна теней. Он говорил что-то с закрытым ртом, неслышно; он был зеленый, как дед Павел, когда лежал в гробу. Я зажмурился и стал отползать, и так мы отползли довольно много, потом вскочили и дали деру.

Далеко мы не убежали. У дороги, у голубого грузовика, спокойно святающего зеленым глазком, остановились и прислушались. Погони не было. Почему-то мы оба стали чесаться — хвоя налезла под рубашки или просто так, — в общем, мы боялись чесаться на открытом месте и спрятались. Рядом с машиной, за можжевельником. Эта часть лесопарка была как будто нарочно приспособлена для всяких казаков-разбойников: везде либо елки, либо сосенки, можжевельник еще, а летом потрясающе высокая трава.

— Дьяволица! — сказал Степка. — Они видели нас... Ох как чешется!

— Они — нас? И при нас все говорили?

— Ну да, — сказал Степка. — Они понарошку. Чем нас гнать, отвязываться, они решили мартышку валять. Дьявольщина!.. Чтобы мы испугались и удрали.

— Хорошо придумано, — сказал я. — Чтобы мы удрали, а после всем растрезвонили, что шофер Жолнин — Треугольник-тринадцать. Тогда все будут знать, что он сумасшедший или шпион. Тсс!..

Нет, показалось. Ни шагов, ни голосов. Через дорогу, у обочины, тихо стоял грузовик. Солнце взбиралось по колесу к надписи «таксомотор».

— Да, зря удрали, выходит, — прошептал Степка.

Зря? Меня передернуло, как от холода. Все, что угодно, только не видеть, как один храпит, отвалив челюсть, а второй говорит с закрытым ртом!

— Хорош следопыт! — фыркнул Степка. — Трясешься, как щенок.

— Ты сам удрал первый!

— Ну, врешь. Я за тобой пополз. Да перестань трястись!

Я перестал. Несколько минут мы думали, машинально почесываясь.

— Пошли, — сказал Степка. — Пошли обратно.

Я посмотрел на него. Не понимает он, что ли? Эти двое нас пришибут, если попадемся. А подкрадываться, не видя противника, — самое гиблое дело.

— Они же шпионы, — сказал я. — Мы должны сообщить о них, а ты на рожон лезешь. Слышал — клички, пароли, «большой посредник»? А «коробки» — бомбы, что ли? Надо в город подаваться, Степка. Ты беги, а я их выслежу.

— В город погодим. Пароли... — проворчал Степан. — Зачем они сюда забрались? Допустим, весь разговор был парольный. А место что, тоже парольное? Кто им мешал обменяться паролями в машине?

— Ладно, — сказал я. — Главное, чтобы не упустить.

— У него, гада, ларингофон, — сказал Степка. — Понимаешь? В кармане передатчик, а на горле такая штука, как у летчиков, чтобы говорить. Микрофон на горле. Дьявольщина! Кому он мог докладывать? Либо они мартышку валяли, либо шпионы. Здорово! И мы их открыли.

Я промолчал. По-моему, шпионы — гадость, и ничего хорошего в них нет. Выследили мы их удачно, только я, хоть убейте, не понимал, почему так переменялся шофер возле этого пенька...

Был обыкновенный шофер и вдруг стал шпионом! Этот Угол третий с утра вытворял штуки, а шофер был вполне обыкновенный... Может, и «Смоленская дорога», которую он свистел, тоже пароль?

У Степана очень тонкий слух. Он первым услышал шаги и быстро стал шептать:

— Я прицеплюсь к ним, а ты лупи в город. К Суру. Там и встретимся.

Я прошептал:

— Нет, я прицеплюсь!

Но спорить было поздно. Затрещали веточки у самой дороги. Первым показался Федя — красный, пыхтящий, он тащил что-то тяжелое на плече. За ним потянулось бревно — второй его конец тащил шофер. Он пыхтел и спотыкался. Медленно, с большой натугой, шофер и Федя перебрались через канаву. Вот так здорово — они тащили пень! Тот самый, о котором говорилось, что вчера его не было, с белой полосой от сколотой щепы, — знаете, когда валят дерево, то не перепиливают до конца, оставляют краешек, и в этом месте обычно отщепывается кусок.

Шофер открыл дверцу в заднем борту, и вдвоем они задвинули пень внутрь — машина скрипнула и осела. Чересчур он оказался тяжелым, честное слово...

Федя отряхнул рубаху. Гитара торчала за его спиной. Она была засунута грифом под брючный ремень, а тесьма куда-то подевалась. Я помнил, что утром тесьма была. Федя изогнулся и выдернул гитару из-под ремня, а шофер подал ему узелок, связанный из носового платка.

Мне показалось, что в узелке должны быть конфеты, так с полкило.

Тут же Федя проговорил:

— Конфет купить, вот что... В бумажках. — Он осторожно потряхнул узелок, шофер кивнул. — Лады, Петя. Я сяду в кузов.

— Незачем, — сказал шофер. — Садись в кабину.

— Мне бы надо быть с *ними*.

— Слушай, — сказал шофер, — эти вещи я знаю лучше, я водитель. Включу счетчик, поедем законно. Увидят, как ты вылезашь из пустого кузова, будут подозрения. Поглядывай в заднее окно. Довезем!

— Ну хорошо. — Киселев прикоснулся к чему-то на груди, под рубахой. Наклонился, чтобы отряхнуть брюки, и на его шею мелькнула черная полоска. Что-то было подвешено у него под рубахой на тесьме от гитары...

Они полезли в кабину.

Я знал, что мы должны выскочить не раньше, чем машина тронется, потому что шоферы оглядываются налево, когда трогают. Я придержал Степку — он стяхнул мою руку. Федя в кабине спрашивал:

— Деньги у тебя найдутся внести в кассу? Я пустой.

— На-айдутся, какие тут деньги... Километров тридцать — трешник... Зачем они теперь, эти деньги?!

Они вдруг засмеялись. Заржали так, что машину качнуло. Взревел двигатель, и прямо с места машина тронулась задом, с поворотом, наезжая на наш можжевельник. Мы раскатались в стороны.

Голубой кузов просунулся в кусты — р-р-р-р! — машина рванулась вперед, и Степка прыгнул, как блоха, и уцепился за задний борт. Я чуть отстал, и этого хватило, чтобы Степка оттолкнул меня ногами, сшиб на землю и перевалился в кузов. И вот они укадили, а я остался.

ПУСТОЕ МЕСТО

Я не ушибся, мне просто стало скверно. Минуты две я валялся, где упал, а потом увидел перед своим носом Степкину авторучку, подобрал ее и поднялся. Пыль на дороге почти осела, только вдалеке еще клубилась над деревьями. Я постоял посмотрел. Закуковала кукушка — близко, с надрывом: «Ку-ук! Ку-ук!..»

Она громко прокричала двадцать два или двадцать три раза, смолкла, и тогда я побежал на еловую поляну. Мне надо было мчаться в город, и поднимать тревогу, и выручать Степку от этих людей — все я знал и понимал. Меня, как собаку поводком, волокло на полянку, я должен был посмотреть — тот пень или не тот. И я вылетел на это место и едва не заорал: пень исчез.

И если бы только исчез!

Он совершенно следа не оставил, земля кругом не была разрыта, никакой ямы, лишь в дерне несколько неглубоких вдавлен.

Значит, Федя не соврал, что вчера этого пня не было. Его приволокли откуда-то. Судя по траве, недавно — ночью или утром. Трава под ним не успела завянуть. А вот следы шофера и Феде. Даже на поляне, где земля хорошо просохла, они пропечатались, а в сырых аллеях были очень глубокими.

Пень весил центнер, не меньше.

Вот уж действительно дьявольщина, подумал я. То притаскивают этот несчастный пень, то увозят... И больно он тяжел для елового пня.

Федя сказал так: «Взять в машину „большой посредник“ и отвезти в город».

«Большой посредник»... Посредники бывают на военных играх, они вроде судей на футболе и хоккее — бегают вместе с игроками.

Да, но люди, не пни же... Ставят, увозят...

Совсем запутавшись, я начал искать следы тех, кто принес «посредник» сюда. Не мог он прилететь по воздуху и не мог потяжелеть, стоя здесь, правда? Так вот, никаких следов я не обнаружил, хотя излазил все аллеи до одной. Минут пятнадцать лазил, свои следы начал принимать за чужие, и так мне сделалось страшно, не могу передать. Когда рядом со мной взлетела птица, я начисто перепугался и без оглядки помчался на большую дорогу.

АВТОБУС

Я выбежал на шоссе, на свежий полевой ветер. Он разом высушил спину, мокрую от испуга и беготни, и я удивился, до чего хорош наступающий день. Солнце было яркое, а не туманное, как в предыдущие утра. Синицы орали так звонко и густо, будто над лесопарком висела сеть из стеклянных иголок. Несмотря на ранний час, асфальт уже подавался под каблучком, и хотелось искупаться. Я представил себе, что сбрасываю тяжелые брюки и лезу в воду. Купание!.. О нем и думать не стоило. Надо было мчаться к Суру, поднимать тревогу.

Флажок автобусной остановки желтел слева от меня, высоко на подъеме. Пробежав к нему, я сообразил, что надо было бежать в обратную сторону, не навстречу автобусу, а от него, и не в гору, а вниз. Но возвращаться уже не стоило, и, если некогда купаться, я хоть мог поглядеть с холма на пруды.

И правда, от остановки открывалась панорама: прямо по шоссе — дома и водочка Синего Камня, левее — лес и пруды с песчаными берегами, потом лесопарк и, наконец, весь наш городок как на блюде. Три продольные улицы и пять поперечных, завод тракторного электрооборудования, элеватор, молокозавод — вот и все. Мне, как всегда, стало обидно. Люди живут в настоящих городах, с настоящими заводами, а наш — одно название что го-

род. Это электрооборудование делают в четырех кирпичных сараях. Правда, молокозавод новый, хороший.

Я стал поворачиваться дальше, налево, обводя взглядом круг. По той стороне шоссе тянулись поля и пруды совхоза, перелески и дальше гряда холмов, уходившая за горизонт. Их я нарочно приберег напоследок, потому что на ближнем холме стоял радиотелескоп. Он был отлично виден — плоская чаша антенны на сквозной раскоряченной подставке. Антенна тоже сквозная, она только казалась сплошной и маленькой, с чайную чашку. На самом деле она была почти сто метров в диаметре, нам говорили на экскурсии. Под телескопом белели три коробочки: два служебных корпуса и один жилой, для научных сотрудников. Забор казался белой ниточкой, огибающей холм. Здорово! Очень хотелось увидеть, как телескоп поворачивается, но чаша неподвижно смотрела в небо, и ее огромная тень неподвижно лежала на склоне. Я загляделся, а тем временем приблизился автобус. Маленький, синий, с надписью: «Служебный». Не стоило и руку поднимать, этот автобусик был с радиотелескопа.

И вдруг он остановился. Дверцу даже открыли и крикнули: «Садись, мальчик!»

Я не стал бы рассказывать так дотошно про автобус и дорогу в город, если бы не Вячеслав Борисович. Он ехал в этом автобусе, он меня и посадил: водителю и Ленке Медведевой это бы и в голову не пришло. О нем я знал, что он научный сотрудник с радиотелескопа. Довольно молодой, светловолосый, в сером костюме. Приезжий. Их там было человек десять приезжих, остальные местные, как Ленка Медведева — радиотехник.

Вячеслав Борисович вел себя не по-начальнически. Он смеялся все время, подшучивал надо мной: почему я такой красный и взъерошенный и что я делал в лесопарке в учебное время? Я как-то растерялся и грубо спросил:

— А вы зачем в рабочее время катаетесь?

Он захохотал, хлопнул себя по ноге и воскликнул:

— Вопрос ребром, а? А знаешь ли ты, что такое нетерпение сердца?

Я покачал головой.

— На почту пришел пакет, — сказал он нежно. — Голубенький. Ты можешь не улыбаться. Настала моя очередь. И нетерпение сердца велит мне получить голубое письмо немедленно. В самое рабочее время. — Он потер ладони и притворно нахмурился. — Но оставим это. Хороши ли твои успехи в королеве наук — математике?

Я сказал:

— Не особенно.

Вячеслав Борисович мне страшно понравился, и мы очень весело доехали. Даже Ленка вела себя как человек. Понимаете, эти девчонки, едва наденут капроновые чулки, начинают на людей смотреть... Ну, как бы вам сказать? У них на лицах написано: «Нет, ты не прекрасный принц и никогда им не будешь». Но веселый нрав Вячеслава Борисовича действовал на Ленку Медведеву положительно. Она улыбалась всю дорогу и сказала на прощание: «Будь здоров, привет Симочке». Симка — это моя сестра, старшая.

Меня высадили на углу улицы Героев Революции, наискосок от тира, и я перебежал улицу, спустился в подвал и дернул дверь оружейной кладовой. Она была заперта. Все еще надеясь, что Степка в зале вместе с Суреном Давидовичем, я метнулся туда.

В стрелковом зале было темно, лишь вдалеке сияли мишени. Резко, сухо щелкали мелкокалиберные винтовки — трое ребят из техникума стреляли, Сурен Давидович сидел у корректировочной трубы, а Степки не было.

ТРЕВОГА!

Когда я пригляделся в темноте, обнаружился еще Валерка — он махал мне со стопки матов. Сурен Давидович проговорил, не отрываясь от трубы:

— Зачем пришел?.. Хорошо, Верстович! — Это уже стрелку.

Мы могли ввалиться к Суру хоть среди ночи с любым делом или просто так. Только не во время работы. Сур — замечательный тренер и сам стреляет лучше всех. Проклятая астма! Сур был бы чемпионом Союза, если б не астма, я в этом убежден.

— Восьмерка на «четыре часа», — сказал Сур. — Дышите, Ильин, правильно.

Я спросил у Верки:

— Давно стреляют?

— Только начали, — прошептал Верка. — А Степка где?

— Помолчите, гвардейцы, — сказал Сурен Давидович. — Хорошо, Ильин! Бейте серию с минимальными интервалами!

Я сам видел, что тренировка началась недавно — мишени чистые. Значит, Сур освободится через час. Раньше не отстреляются.

— Не узнаю вас, Оглоблин. Внимательней, мушку заваливаете!

Невозможно было целый час ждать. Я подобрался к Суру и прошептал:

— Сурен Давидович, тревога, Степа в опасности...

Он внимательно покосился, кашлянул, встал:

— Стрелки, продолжайте серию! Валерий, корректируй...

Верка, счастливый, кинулся к трубе, а мы вышли в коридор. Мне казалось, что Сурен Давидович очень рассержен, и я стал то-ропливо, путаясь, рассказывать:

— Степка уехал на новом такси из лесопарка, а в такси сидели шпионы...

— Какие шпионы? — спросил он. — Откуда шпионы?

Я вернулся к началу — как шел и увидел Федю-гитариста. Сур слушал вполуха, посматривая на дверь, глаза так и светились в темном коридоре. Я заспешил. Скоренько рассказал, как шофер свалился у пня. Сурен Давидович повернулся ко мне:

— Что-о? Тоже схватился за сердце?

— И еще упал. Это не все, Сурен Давидович!

— Подумай только, не все... — пробормотал он. — Рассказывай, Лешик, рассказывай.

Я рассказывал, и мне становилось все страшней. В лесопарке я на четверть — да что, на десятую так не боялся. Там мы были вместе. А где сейчас Степка? Я боялся, здорово боялся.

Когда я закончил, Сур проворчал:

— Непонятная история... Лично мне Киселев был симпатичен.

— Федя? Еще бы! — сказал я. — А теперь видите, что получается!

— Пока вижу мало. Пень был очень тяжелый, говоришь? — Он покосился на дверь, откуда слышались выстрелы, и тогда я понял...

— Оружие в нем, а в платке патроны! — завопил я. — Сурен Давидович! А на шее автомат, на гитарном шнуре!

— Лешик, не торопись. Оружие? — Он вел меня за плечо к кладовой. — Шпионам незачем прятать оружие. Я даже думаю, что шпиону просто не нужно оружие. Пистолетик, может быть... Но маленький, маленький. Бандит, грабитель — другое дело.

— Шпиону и оружие не нужно? Что вы, Сурен Давидович! Везде пишут: бесшумный пистолет, авторучка-пистолет...

— Авторучка — понятно, — говорил Сур, входя в кладовую. — Маленький предмет, укромный. Хранится на теле. Зачем целый пень оружия? Через пень-колоду... Где мой блокнот? Вот мой блокнот. Сядь, Лешик. Я думаю, что шпиону совсем не нужен

пистолет. Шпион, который выстрелил хоть однажды, уже покойник... Побеги, пожалуйста, и пригласи сюда Валерика.

Верка не особенно обрадовался приглашению. Он корректировал стрельбу больших парней, покрикивал гордым голосом. Они тоже покрикивали: Верка путал, где чья мишень. Он вздохнул и побежал за мной, спрашивая:

— А что? Тревога? Вот это да!

Сур уже написал записку. Он сказал:

— Валерик, время дорого. Лешик все расскажет тебе потом, ни в коем случае не по дороге. Так? — (Я кивнул.) — Так. Вот что я написал заместителю начальника милиции капитану Рубченко: «Дорогой Павел Остапович! Ты знаешь, я из-за болезни не могу выйти „на поверхность“. Очень тебя прошу: зайди ко мне в тир, срочно. Не откладывай, пожалуйста. Твой Сурен». Валерик, беги. Если нет дяди Павла, передай записку майору. Если нет обоих — дежурному по отделу. Запомнил? Ты же, Лешик, ищи Степана. Тебе полчаса срока... нет, двадцать минут. А ты, Валерик, передай записку и сейчас же возвращайся.

Он посмотрел на нас и, чтобы приободрить, сказал:

— Гвардия умирает, но не сдается. Бе-егом ар-рш!

МЫ НАЧИНАЕМ ДЕЙСТВОВАТЬ

Мы вылетели «на поверхность» и припустили по дворам. Что я мог успеть за двадцать минут? Пробежаться по улицам да заглянуть на почту. Милиция тут же, рядом. (Почта выходит на проспект, а милиция — на улицу Ленина, но двор у них один, общий с универмагом и химчисткой.) У нас есть правила, как вести себя при «тревоге». Сегодня я объявил ее, а вообще мог объявить каждый, от Сура до младшего, то есть Верки. Сурен Давидович никогда не приказывал, его и так слушались, но всегда обсуждали, как лучше сделать то или это. Когда же объявлялась тревога, споры-разговоры кончались. Сур становился командиром. Мне было приказано двадцать минут разыскивать Степку, а Верке — передать записку и возвращаться. Значит, я не должен заглядывать в милицию, хотя Степка, конечно уж, постарался навести милицию на след. И Верка напрасно поглядывал на меня, пришлось ему идти одному. Я посмотрел, как он нерешительно поднимается на крыльцо, а сам побежал дальше. На углу остановился, пригладил волосы. Казалось, все насквозь видят, зачем я иду на почту.

...Солнце теперь светило вдоль улицы, мне в лицо. Кто-то выглядывал из окошка математического кабинета на третьем этаже школы. Чудно было думать, что сейчас я виден из этого окна совершенно так же, как были видны Федя-гитарист и остальные двумя часами раньше. Только я шел к школе лицом, а не спиной, как почтари, и Федя не сидел на ступеньках.

Ударила стеклянная дверь. Пахнуло сургучом, штемпельной краской — нормальный запах почты. Я заставил себя не высматривать этих двух, которые хватались за сердце. Сунул руки в карманы и оглядывался, будто хочу приобрести марку.

Народу было немного, по одному у каждого окошечка. Степки не было. В самом деле, черта ли ему в этой почте!.. Кто-то оглянулся на меня. Пришлось для конспирации купить открытку за три копейки. От барьера я увидел, что оба почтаря на местах: один сидел за столиком с табличкой «Начальник отделения связи», второй работал на аппарате, трещал, как пулемет. Рядом с окошком, в котором продавались открытки, висело объявление, написанное красным карандашом: «Объявление! До 16:00 сего числа междугородный телефон не работает, так как линия ставится на измерение». «Как они ее будут мерить, эту линию?» — подумал я, взял свою открытку, и тут мне навстречу открылась дверь и вошел Федя-гитарист. Открытка выскочила из моих пальцев и спланировала в угол, к урне...

Я не спешил поднять открытку. Носком ботинка загнал ее за урну и, кряхтя, стал выуживать — смял, конечно. А Федя с изумительной своей улыбкой придвинулся к окошечку и попросил своим изумительным баритоном:

— Тамар Ефимовна, пяточек конвертиков авиа, снабдите от щедрот?

Та, ясное дело, заулыбалась. Я подобрал открытку и с дурацким видом стал подходить к улыбающейся Тамаре Ефимовне, а Федя установил ноги особенным, шикарным образом и разливался:

— Погода ликует, вы же тут сидите, не щадя своей молодости... — и всякую такую дребедень.

Поразительно, как быстро я его возненавидел. Два часа назад я смотрел на него с восторгом — что вы, Федор Киселев, первая гитара города, фу-ты ну-ты! Сур только что сказал, что Киселев ему нравится, а сейчас тревога, поэтому «нравится» Сура надо считать приказом.

Понимаете, до чего надо обалдеть, чтобы такие мысли полезли в голову?

— А, пацан! — сказал Федя. — Получи *конфетку*.

Он вынул из правого кармана карамельку «Сказка». На бумажке — тощий розовый кот с черным бантиком на шее и черными лапами. Внутри — настоящая конфета. Я развернул ее, но есть не стал. Купили они конфет все-таки! Зачем?! Вот дьявольщина!

А Суру я забыл рассказать про конфеты!

— Это вам, Тамар Ефимовна, — сказал Федя и подал ей такую же конфету.

— Вам... прошу вас... угощайтесь. — Он обошел все окошки, все его благодарили.

Прошло уже десять минут, но я отсюда уходить не собирался.

— Тетенька Тамара Ефимовна, — проныл я, — открытку я испортил, — и показал ей смятую открытку.

— Так возьми другую открытку, цена три копейки, — услышал я.

Услышал. Лица Тамары Ефимовны я не видел, потому что смотрел на Федю, а он достал из *другого* кармана конфету и ловко перебрал ее на стол начальника:

— Угощайтесь, товарищ начальник!.. И вы, пожалуйста! — Это уже старшему телеграфисту. — И вам одну. — Он обращался к девушке, подающей телеграмму, и достал очередную конфету опять из *правого* кармана...

— Я сегодня деньрожденник, угощайтесь!

— Тетенька, у меня денег больше нет, — с ужасом гудел я в это время, потому что был уверен: конфеты из правого кармана отравлены. И я не мог закричать: «Не ешьте!» До сих пор стыжусь, когда вспоминаю эту секунду. Мне, идиоту, казалось важнее поймать шпиона, чем спасти людей...

— Тетенька, дайте тогда конфе-е-етку...

Но поздно, поздно! Она уже хрустела этой карамелькой, а бумажка с розовым котом, аккуратно разглаженная, красовалась под стеклом на ее столе.

— Вот какой! — сказала Тамара Ефимовна. — Какие наглые пошли дети, просто ужас! Вы слышали, Феденька?

Все уставились на меня, лишь толстый телеграфист трещал на своей машине.

Федя обмахивался конвертами, как веером.

— Любишь сладенькое, а? Ты ж эту не съел, сладена... — Он приглядывался ко мне очень внимательно.

Я начал отступать к двери, бормоча:

— Симке, по справедливости... Одну мне — одну ей... Сестре, Симке...

Без всяких усилий я выглядел совершенно несчастным и жалким. Девушка, подающая телеграмму, покраснела — ей было стыдно за меня. Федя сказал:

— Держи, семьянин, опля!

Я не шевельнулся, и конфета (из правого кармана) упала на линолеум.

В эту секунду я почувствовал, что телеграфист, не поднимая головы и ничего не говоря, подал знак Феде. И сейчас же со мной случилось ужасное: будто меня проглотило что-то огромное и я умер, но только на секунду или две. Огромное выплюнуло меня. Конфета еще лежала на чистом квадратике линолеума, между мной и гитаристом, и он смотрел на меня как бы с испугом.

Кто-то проговорил: «Очень нервный ребенок». Девушка сунулась поднять конфету, но Федя нагнулся сам, опустил конфету мне в руку и легонько подтолкнул меня к двери. Бам! — ударила дверь.

Я стоял на тротуаре, мокрый от волнения, как грузовая лошадь.

А за стеклом почти уже все двигали челюстями, жевали проклятые конфеты. Даже толстый телеграфист — я видел, как он сунул карамельку за щеку.

Они оживленно разговаривали. Кто-то показал пальцем, что я стою за окном, и я сорвался с места и ринулся к Сурену Давидовичу.

ДВОЙНАЯ ОБЕРТКА

Степка не вернулся. В кладовой Верка чистил мелкокалиберный пистолет. Сурен Давидович брился, устроившись на своей койке под окошком, в глубине каморки.

— Гитарист раздаёт отравленные конфеты! — выпалил я. — Вот!

Сур выключил бритву.

— Эти конфеты? Почему же они отравлены? Вот водичка, напейся...

Правда, я отчаянно хотел пить. Глотнул, поперхнулся. Верка тут же врезал мне между лопаток.

— Отстань, Краснобровкин! — зарычал я. — На почту он пришел и раздаёт конфеты. В правом кармане отравленные, а в левом — не знаю.

— Опять почта? Сегодня слишком много почты. — Сур взял развернутую конфету, посмотрел. — Ты говоришь, отравлены?

Тогда яд подмешали прямо на фабрике. Смотри, поверхность карамелек абсолютно гладкая. Давай посмотрим другую. — Он стал разворачивать вторую конфету и засмеялся: — Лешик, Лешик! Ты горячка, а не следопыт... — Сур снял одного розового кота, а под ним самодовольно розовел второй такой же.

Валерка захихикал. Дураку было понятно, что отравитель не станет заворачивать конфетку в две одинаковые бумажки.

— Кот в сапогах, — сказал Сур. — Автомат на фабрике случайно обернул дважды.

Ох я осел!.. Я невероятно обрадовался и немного разозлился. С одной стороны, было чудесно, что конфеты не отравлены и Тамар Фимна и остальные останутся в живых. С другой стороны, *зачем* он раздавал конфеты? Если бы отравленные, тогда понятно зачем. А простые? Или он карманы перепутал и своим дал отравленные, а чужим — и мне тоже — хорошие? Но я-то, я, следопыт!.. В конфетной обертке не смог разобраться. Действительно кот в сапогах. А я все думал: почему нарисован кот с бантиком, а называется «Сказка»? Сапоги плохо нарисованы — не то лапки черные, не то сапоги. «Попался бы мне этот художник!..» — думал я, рассказывая о происшествиях на почте.

Я упорно думал о неизвестном художнике, чтобы не вспоминать про то, как я умирал. Об этом я не рассказал, а насчет всего остального рассказал подробно. Верка таращил глаза и ойкал — наверно, Сур объяснил ему кое-что, пока меня не было.

Сур записал мой доклад в блокнот. Потыкал карандашом в листок.

— Из правого кармана он угощал всех, а из левого кармана — по выбору. Так, Лешик? В лесу он же говорил, что надо купить конфет... Хорошие дела...

— В левом отравленные! — страшным шепотом заявил Верка. — Точно, дядя Сурен!

— Не будем торопиться. — Он включил бритву. — Романтика хороша в меру, гвардейцы. — (Ж-ж-ж-жу-жу... — выговаривала бритва.) — Думаю, что все объяснится просто и не особенно романтично.

— Шпионы! — сказал я. — Тут не до романтики.

Он выключил бритву.

— Скажи, а я, случаем, не шпион?

— Вы?

— Я. Живу в подвале, домой не хожу, даю мальчикам странные поручения. Подозрительно?

— Вы хороший, а они шпионы, — сказал Верка.
— Никто не имеет права, — сердито сказал Сур, — обвинить человека в преступлении, не разобравшись в сути дела. Поняли?
— Поняли, — сказал я. — Но мы ведь не юристы и не следователи. Мы же так, предполагаем просто.
— Не юрист? Вот и не предполагай. Если я скажу тебе, что, возможно — понимаешь, *возможно*, — Киселев затеял ограбление? Горячка! Ты будешь считать его виноватым! А так даже думать нельзя, Лешик.

— Вот так так! А что можно?
— Изложить факты Павлу Остаповичу, когда он придет. Только факты. Долгонько же он...

Верка сказал:

— Он обещал быстро прийти. Говорит, освободится и живой ногой явится.

Сур посмотрел на часы. Я понял его. Он думал о Степке. Но кто разыщет Степку лучше, чем милиция?

Мы стали ждать. Сурен Давидович велел мне быть в кладовой, а сам пошел в стрелковый зал. Верка побежал во двор, высматривать капитана Рубченко. Я от волнения стал надраивать пистолет, только что вычищенный Веркой. Гоня шомпол, заглянул в блокнот Сура.

Он был прав: в пенке хранится оружие, с конфетами передаются, предположим, записки, но почему все хваталось за сердце?

И тут Верка промчался в тир с криком:

— Дядя Сурен, дядя Павел пришел!

КАПИТАН РУБЧЕНКО

Павел Остапович Рубченко — друг Сура. Раньше они дружили втроем, но третий, Валеркин отец, умер позапрошлой осенью. Для нас Павел Остапович был вроде частью Сура, и я чуть на шею ему не бросился, когда он вошел, большой, очень чистый, в белоснежной рубашке под синим пиджаком. Он редко надевал форму.

— Здравия желаю, пацан!

— Здравия желаю, товарищ капитан!

— Какие у вас происшествия? Пока вижу — проводите чистку оружия. Опять школой пренебрегаешь?

— У, такие происшествия!.. Вы Степку не видели?

Он Степку не видел. Тут заглянул Сур и попросил одну минуту подождать, пока он примет винтовки. Рубченко кивнул в сто-

рону тира и покачал пальцем. Сур сказал: «Вас понял» — и позвал меня оттащить винтовки. Ого! Рубченко не хотел, чтобы его здесь видели, следовательно, уже известно кое-что... Я выскочил, бегом потащил винтовки. Сур даже чистку отменил, чтобы поскорее выпроводить студентов из тира, и сам запер входную дверь. Теперь нам никто не мог помешать, а Степка, в случае чего, открывает замок своим ключом или позвонит в звонок. Я уселся так, чтобы видеть двор через окно. Сурен Давидович прикрыл дверь в кладовую, закурил свой астматол и показал на меня:

— Вот наш докладчик.

Рубченко поднял брови и посмотрел довольно неприветливо. По-моему, каждый милицейский начальник удивится, если его притащат по жаре слушать какого-то пацана.

— Алеша — серьезный человек. Рассказывай подробно, пожалуйста. — И открыл свой блокнот.

Я стал рассказывать и волновался чем дальше, тем пуще. «Где же Степка?» — колотило у меня в голове. Я вдруг забыл, как Федя познакомился с таксистом, какие слова они говорили у пенька. Сур подсказал мне по блокноту. Рубченко теперь слушал со вниманием, кивал, поднимал брови. Когда я добрался до разговора о конфетах — первого, еще на проселке, — хлопнула входная дверь и в кладовую влетел Степка.

Мы закричали: «Урур-ру!» Сурен Давидович всплеснул руками. Степан порывался с ходу что-то сказать и вдруг побелел, как стенка. «Что за наваждение! — подумал я. — Упустил он гитариста, что ли?»

Степка встал у двери, уперся глазами в пол — как воды в рот набрал. Таким белым я его еще не видывал.

Наверно, Сур что-то понял. Почувствовал, вернее. Он быстро увел Степку под окошко, посадил на койку и налил воды, как мне только что. Степка глотал громко и выпил два стакана кряду.

— Набегался хлопчик, — ласково сказал Рубченко. — Вода не холодная в графине? Напьешься холодного, раз-раз — и ангина!

Степка и тут промолчал. Даже Верке-несмышленишу стало совестно — он заулыбался и засиял своими глазищами: не обижайся, мол, дядя Павел, Степка хороший, только чудной.

Сурен Давидович сказал:

— Степа принимал участие в этом деле. — (Рубченко кивнул.) — После Алеши он тоже кое-что расскажет. Хорошо, Степик?

Степка пробормотал:

— Как скажете, Сурен Давидович.

Кое-как я продолжал говорить, а сам смотрел на Степку. Они с Суром сидели напротив света, так что лица не различались. Я видел, как Сур подал ему винтовку и шомпол, придвинул смазку. Сам тоже взял винтовку. И они стали чистить. Степка сразу вынул затвор, а Сур, придерживая ствол под мышкой, открыл тумбочку и достал пузырек с пилюлями против астмы. Я в это время рассказал про пустую поляну и про следы в одну сторону, а Рубченко кивал и приговаривал:

— Так, так... Не было следов? Так, так... Подожди, Алеша. — Он повернулся к Степке. — Ты, хлопчик, до самого города проехал в такси?

Степка сказал:

— До места доехал.

— Куда же?

— Въехал в ваш двор, со стороны улицы Ленина. Через арку.

— Они тебя обнаружили?

— Я спрыгнул под аркой. Не обнаружили.

— Молодец! — горячо сказал Рубченко. — Ловко! Проследил, что они делали впоследствии?

В эту секунду Сурен Давидович щелкнул затвором и пробурчал:

— Каковы мерзавцы! Патрон забыли в стволе...

Капитан повернулся к нему:

— Прошу не мешать! Речь здесь идет о государственном преступлении!

Во! Я чуть не лопнул от гордости. Говорил я им, говорил — шпионаж! Я страшно удивился, почему Степка не обрадовался. Он швырнул свою винтовку на кровать и сказал тихим, отчаянным голосом:

— Сурен Давидович... Вон он, — Степка ткнул пальцем прямо в Рубченко, — он тоже хватался за сердце перед пеньком. Он — Пятиугольник-двести. Я видел.

Мы замерли. Мы просто остолбенели. Представляете? И капитан сидел неподвижно, глядя на Степку. Сурен Давидович прохрипел:

— Остапович, как это может быть?

Но капитан молчал. А Степка вдруг прикрыл глаза и откинулся к стене. Тогда Рубченко выставил подбородок и ответил:

— Объясню без свидетелей. Государственная тайна! — и опять уставился на Степана.

Он смотрел сурово, словно ожидая, что Степка должен отречься от своих слов. Но где там! Степка вскочил и выкрикнул:

— Объясняйте при нас!

Сур прохрипел снова:

— Остапович, как это может быть?

— Пустяки, пустяки, — ответил Рубченко и живо завозился руками у себя на груди. — Ничего не может быть...

Поперек комнаты ширкнуло прозрачное пламя, щелкнула винтовка. Я ничего не понял еще, а капитан Рубченко уже падал со стула. Сурен Давидович смотрел на него, сжимая винтовку, и из стены, из громадной черной дыры сыпался шлак. Дыра была рядом с головой Сура.

НЕСЧАСТЬЕ

Говорю вам, мы ничего не поняли. Мы будто остолбенели. В косом столбе солнечного света блеснул седой ежик на голове Павла Остаповича, — капитан падал головой вперед, медленно-медленно, в полной тишине. Только шуршал черный шлак, осыпая белую клеенку на тумбочке. Степка еще стоял с поднятой рукой — так быстро все произошло. Я пока без страха, будто во сне, смотрел, как капитан грудью и лицом опустился на половицы, как из-под его груди снова ширкнуло пламя, ударило под кровать, и оттуда сразу повалил дым. Потом Сур вскрикнул: «Остапович!» — и попытался поднять капитана, а Степка неуверенно взял графин и стал плескать под койку, откуда шел дым. Я очнулся, когда Верка закричал и закатил глаза.

Мне пришлось вытащить его в коридор. Он перестал кричать и вцепился в меня. У меня до сих пор синяки — так он крепко ухватился за мои руки. Я сказал Верке:

— Сейчас же прекрати истерику! Надо помогать Сурену Давидовичу. А еще гвардеец!..

Он немного ослабил руки. Кивнул.

— Ты, может, домой побежишь? — спросил я.

— Я буду помогать, — сказал Верка.

— Нет, уходи домой, — сказал я, но это были пустые слова.

Верка по-детски, с перерывами, вздохнул и пошел за мной.

В кладовой остро пахло дымом. Павел Остапович лежал на кровати. Сур стоял над ним и жалобно говорил по-армянски, ударяя себя по лбу кулаками. Он совсем задышался. Мрачный, но нисколько не испуганный Степка стоял набычившись и не смотрел в ту сторону.

Я прошептал:

— Степ, как это получилось? Он умер?

Степка дернул плечом. Я понял: умер. Но я все еще думал о случайном выстреле. Как же Сур, такой опытный стрелок, мог случайно выстрелить, доставая патрон из ствола?

Тогда Степка сказал:

— Смотри, — и показал куда-то вбок.

Я не мог отвести глаз от Сура и не понимал, куда Степка показывает. Он за плечи повернул меня к столу.

Там лежал поразительный предмет. Он был ни на что не похож. С первого взгляда он смахивал на стальную палку, но стоило секунду приглядеться, чтобы понять — эта штука не стальная, и даже не металлическая, и не папка уж наверняка. Даже не круглая. Овальная? Нет, бугристая, будто ее мяли пальцами. Зеленовато-блестящая. На одном конце был черный, очень блестящий кристалл, а у другого конца выступали две пластинки вроде двух плавников. Несколько секунд я думал, что это сушеный кальмар — пластинки были похожи на хвост кальмара или каракатицы. В длину штука имела сантиметров тридцать.

— Видел? Это бластер, — прошептал Степа.

У меня совсем ослабели ноги. Бластер! В некоторых фантастических рассказах так называются ружья, стреляющие антимагией или лучевые. В рассказах, понимаете? Но мы-то были не в рассказе, а в доме три по улице Героев Революции, в подвальном этаже, переделанном под тир. И здесь, на столе оружейной кладовой, вдруг оказался бластер, который принес под пиджаком капитан Рубченко, заместитель начальника милиции.

Я поверил сразу — бластер настоящий. Степка прав. В косом свете бластер отливал то зеленым, то серым, волчьим цветом. Он был абсолютно ни на что не похож. Теперь я понял, что за пламя ширкало, почему в бетонной стене выжжено углубление размером с голову и, главное, почему выстрелил Сурен Давидович.

Я держался за край стола. Ох, слишком многое случилось за одно утро — и конца событий не было видно!

ШНУРОК

И еще оставалось тело Рубченко на кровати.

Мне было страшно заговорить, взять в руки бластер, взглянуть на Сурена Давидовича. Степка же был не таков. Он потрогал бластер и сказал нарочито громко:

— Совершенно холодный!

Сур услышал и обернулся. Ох, вспомню я эту картину... Как он смотрит коричневыми яростными глазами на разорение, на дрожащего Верку, на винтовки, валяющиеся в лужах, и на бластер... Он посмотрел и внезапно заметался, открыл железный шкаф с оружием и быстро-быстро стал запихивать в него винтовки. Потянулся к бластеру — Степка перехватил его руку.

— Это спуск, Сурен Давидович, эти вот крылышки.

Сур начал крепко тереть виски. Тер со злостью, долго. Потом проговорил:

— Конечно спуск. Вот именно... Где шнурок?

Степка показал пальцем — на полу, а я поднял. Черный шнурок от ботинок, вернее, два шнурка, связанные вместе. Все четыре наконечника были целы, торчали на узлах.

— Понимаю, — сказал Сур. — Брезгуешь... — Принял у меня шнурок, положил в шкаф. — Напрасно все-таки брезгуешь, Степан.

— Он предатель, — сказал Степка, показывая на Рубченко, — а вы его жалеете!

Я вздрогнул — рядом со мною закричал Верка:

— Врешь! Дядя Павел — папин друг, а не предатель, врешь!

— Так, мой мальчик... Степан, слушай меня: если Павел Рубченко — предатель, то и я предатель. Таких людей, как он... — Сур закашлялся. — Он не только честный воин. Не только храбрый и добрый человек. На моих глазах он двадцать лет проработал в милиции. И на фронте. И всегда был настоящим рыцарем...

Степка молчал. Трудно было не согласиться — такой человек на виду, как в стеклянной будке. Зато Сур очнулся от своего отчаяния и продолжал говорить:

— Мы потеряли много времени... Необходим врач. Кто позвонит в скорую помощь? Ты, Лешик? Придержите дверь. — Он осторожно поднял бластер и перенес в шкаф. Запер на два оборота. — Ах, Остапович!.. Ах, Остапович!.. Лучше бы... — Он осекся.

Я знал почему. Он сто раз дал бы себя сжечь этим бластером, лишь бы не стрелять в друга. Он выстрелил, спасая нас.

И, посмотрев на нас, он подобрался, тряхнул головой, стал по виду прежним, даже погладил Верку, как всегда, от носа к затылку.

— Да, тяжелое положение... В скорую нельзя обращаться. Степа, Алеша! Загляните в четвертый подъезд, квартира шестьдесят один. Доктор Анна Георгиевна... Пригласите ее сюда. Что сказать? У нас раненый.

Мы побежали. Степка на ходу сказал:

— Правильный приказ.

— Почему? — спросил я.

Он ответил:

— А вдруг *эти* уже на скорую пробрались?

— Кто — эти?

— С бластерами.

— А зачем им пробираться?

Степка только свистнул. Тогда я возразил:

— Доктор Анна Георгиевна тоже могла пробраться.

— Чудной... — пропыхтел Степка. — Она же пенсионерка, дома принимает. Видишь табличку?

Я видел. Квартира 61, медная яркая табличка: «Доктор А. Е. Владимирская».

Степан позвонил и вдруг сказал свистящим шепотом:

— Он меня было... того. Рубченко ваш...

— Он же не в тебя стрелял — в Сура!

— Да нет, — прошептал Степка, — не из бластера. Он так... Глазами, что ли. Я будто помер на полсекунды.

— Ой, а меня... — заторопился я, но тут дверь отворилась и из темной прихожей спросили:

— Ко мне?

Я ответил, что к доктору и что в тире лежит раненый.

— Сейчас, ждите здесь, — сказал голос, как мне показалось, мужской.

В прихожей зажегся свет. Мы вошли, но там уже никого не оказалось. Будто с нами разговаривали здоровенные часы, которые стучали напротив двери. Потрясающие часы! Выше моего роста, с тремя гирями, начищенными ярче дверной таблички. Часы тут же проиграли мелодию колокольчиками и стали бить густым тройным звоном — одиннадцать часов. Я охнул, потому что все началось ровно в половине девятого, всего два с половиной часа назад. В школе прошло три урока — и столько всего сразу! И Верка еще. А Верка очень нежный и доверчивый. Позавчера подошел к милиционеру и спросил: «Дядь, почему вам не дают драчных дубинок?..»

Зазвенело стекло. Кто-то запричитал тонким, старушечьим голосом. Резко распахнув дверь, в прихожую выскочила женщина в белом халате, с чемоданчиком, совершенно седая. Она стремительно оглядела нас синими эмалевыми глазами. Спросила басом:

— Раненый в тире? — и уже была на лестнице.

А мы едва поспевали за ней. Вот так пенсионерка! Из квартиры пищали: «Егоровна!» — она молча неслась вниз по лестнице, потом по дорожке вдоль дома и по четырем ступенькам в подвал. Степка забежал вперед, распахнул дверь и повел докторшу по коридору в кладовую.

ДОКТОР АННА ЕГОРОВНА

Сурен Давидович был в кладовой наедине с Рубченко. Стоял, прислонившись к шкафу, и хрипел астматолом. Когда мы вошли, он поклонился и проговорил:

— Здравствуйте, Анна Георгиевна. Вот... — Он показал на койку.

— Вижу. Меня зовут Анна Егоровна... Ого! Детей — за дверь.

— Я расстегнул рубашку, — сказал Сур.

Она достала стетоскоп из чемоданчика. Мы, конечно, остались в комнате, в дальнем углу, под огнетушителями. Анна Егоровна что-то делала со стетоскопом, вздыхала, потом стукнула наконечником и бросила прибор в чемоданчик.

— Давно произошел несчастный случай?

Сур сказал медленно:

— *Убийство* произошло двадцать минут назад.

Анна Егоровна опять сказала: «Ого!» — и быстро, пристально посмотрела на Сурена Давидовича. На нас. Опять на Сура.

— Что здесь делают дети?

Степка шагнул вперед:

— Мы свидетели.

Она хотела сказать: «Я не милиция, мне свидетели не нужны». У нее все было написано на лице: удивление перед такой странной историей и от почти прямого признания Сура. Мы тоже показались ей не совсем обычными свидетелями. Она сказала:

— Моя помощь здесь не требуется. Смерть наступила мгновенно, — и повернулась к двери.

Но Сур сказал:

— Анна Георгиевна...

— Меня зовут Анна Егоровна.

— Прошу прощения. Я буду вам крайне благодарен, если вы согласитесь нас выслушать. Слово офицера, вам нечего бояться.

Как она вскинула голову! Действительно «ого!». Она была бесстрашная тетка, не хуже нашего Степана. Она уже успела креп-

ко загореть и выглядела просто здорово: круглое коричневое лицо, белые волосы, крахмальный халат и круглые ярко-синие глаза.

— Слушаю вас, — сказала Анна Егоровна.

— Я прошу разрешения прежде задать вам два вопроса.

Она кивнула, не сводя с него глаз.

— Первый вопрос: вы ученый-врач?

— Я доктор медицинских наук. Что еще?

— Когда вы последний раз выходили из дому?

— Вчера в три часа пополудни. — Ее бас стал угрожающим. — Чему я обязана этим допросом?

Сур прижал руки к сердцу так похоже на *тех*, что мы вздрогнули. Но это был его обычный жест благодарности.

— Доктор, Анна... Егоровна, сейчас вы все-все поймете! Очень вас прошу, присядьте. Прощу. Сегодня в восемь часов утра...

Сурен Давидович рассказывал совсем не так, как я. Без подробностей. Одни факты: заведующий почтой, старший телеграфист, поездка на такси, оба разговора Феди-гитариста с шофером, история с конфетами, потом капитан Рубченко.

О выстреле он рассказал так:

— Эта история была сообщена Павлу Остаповичу не вся целиком. Он остановил Алешу... Когда, Лешик?

— Когда пень грузили в такси, — поспешно подсказал я.

— Да, в такси. Павел Остапович начал расспрашивать второго мальчика...

— Вот этого, — сказала Анна Егоровна.

— Да, этого, Степу. Он сообщил, что пень доставили во двор милиции.

— И почты...

— Да. В этот момент я разрешил себе восклицание, не относящееся к делу. Павел Остапович меня осадил. Меня это крайне удивило. Мы с ним дружили почти тридцать лет... — Он закашлялся.

Докторша смотрела на него ледяными глазами.

— Да, тридцать лет! Мальчики об этом знают. И Степка в эту секунду сорвался и заявил, что капитан Рубченко тоже хватался за сердце, стоя перед пеньком.

— Вот как... — сказала Анна Егоровна.

— Павел Остапович не возразил. Напротив, он начал поспешно извлекать из-под пиджака некий предмет, подвешенный на шнурке под мышкой. Не пистолет, Анна Егоровна. Пистолет, подвешенный таким образом, стреляет мгновенно. Этот же предмет... Я вам его покажу.

СОДЕРЖАНИЕ

Дом скитальцев. <i>Роман</i>	5
У меня девять жизней. <i>Роман</i>	373
Обсидиановый нож. <i>Рассказ</i>	579
Перелепи мое лицо. <i>Рассказ</i>	603
Дождь В Лицо. <i>Рассказ</i>	615
«Остров Мадагаскар». <i>Повесть</i>	659

Мирер А.

М 63 Дом скитальцев : романы, повесть, рассказы / Александр Мирер. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. — 736 с. — (Мир фантастики).

ISBN 978-5-389-12690-9

Это было братство друзей по духу — фантастическому духу свободы, повзевшему вдруг над страной в легендарные 60-е годы. Они собирались на квартире у Ариадны Громовой около зоопарка — Аркадий Стругацкий, душа компании, Север Гансовский, Роман Подольный, Анатолий Днепров, молодой Дмитрий Биленкин, бывал и Станислав Лем в редкие свои визиты из Польши, — и под крик зверей за окном, под бешеные струны Высоцкого («По пространству-времени мы прём на звездолете...»), частого гостя в доме, под чаёк или что покрепче говорили о фантастике, думали о фантастике, верили в нее. Умница Александр Мирер, непрменный участник сборищ, мнение которого ценили и уважали здесь, высказался афористично и точно: «Фантастика — самый честный и наблюдательный свидетель на суде истории». Потому что фантастика и реальность, особенно реальность российская, для людей этого круга были неразделимы.

В фантастике Александр Мирер прежде всего исследователь. Предмет его исследовательской работы — манипулирование человеческим сознанием. Захват и порабощение разума («Дом скитальцев»), управление мозгом извне, ведущее к крушению цивилизации («У меня девять жизней»), конфликт между естественным и навязанным («Остров Мадагаскар»)… Темы эти актуальны всегда, и уж тем более никогда не вторичны — времена хотя и меняются, но люди в них в основном такие же, что были вчера и позавчера.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литературно-художественное издание

АЛЕКСАНДР ИСАКОВИЧ МИРЕР
ДОМ СКИТАЛЬЦЕВ

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Валерий Камендо, Лариса Ершова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 14.03.2017. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 46. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайте: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

HMMF2079501R